

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

АЛЕКСЕЙ
ВИТАКОВ

ЯРОСТЬ
БЕЛОГО
ВОЛКА

Алексей Иольевич Витаков

Ярость Белого Волка

Серия «Россия державная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36127279

Ярость Белого Волка – Алексей Витаков: Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7291-6

Аннотация

В романе широко использованы исторические сведения и факты из книги Сергея Александрова «Смоленская осада 1609–1611»

1609 год. Польский король Сигизмунд III Август осаждает Смоленск. С первых же дней осады поляки терпят одно поражение за другим. Сигизмунд в бешенстве! Он узнает, что причиной срыва многих кавалерийских операций является таинственный Белый Волк, который нападает ночью на боевых коней и вырывает им горло...

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Алексей Иольевич Витаков

Ярость Белого Волка

© Витаков А.И., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2018

Посвящается жителям Смоленска

Стояла осень 1605 года. В один из сухих и светлых сентябрьских дней, когда листва только-только начинает золотиться, в дом знаменитого краковского палача постучали.

Палач сплюнул и, застучав деревянными башмаками, легкой, чуть пружинящей походкой пошел к двери. Приоткрыл окошко. На него смотрели блеклые, подернутые нездоровой пленкой глаза городского бродяги.

– Зачем ты пришел, Рафал?

– Я думаю, нам пора разрешить наш давний спор, дядя. – Щека, изъеденная оспой, еле заметно дернулась.

– Нет, Рафал, я же тебе сказал: нет.

– Мы могли бы работать вместе. А так – жаль! Почему ты одному племяннику дал все, а другого вышвырнул, точно шелудивого пса?

– Ты сам знаешь. Я не могу доверять тому, кто ненавидит меня!

– Жаль. Я бы мог с тобой кое-чем поделиться, дядя.

– Убирайся, Кобин. Ты проиграл однажды. Проиграешь и сейчас. Мне достаточно моих знаний, большего, думаю, уже не нужно.

– Ты думаешь, легко сидеть в захолустье и только и делать, что бить кнутом провинившихся крестьян? Я скучаю по настоящей работе. Давай работать вместе. В противном случае!..

– Что в противном случае, Рафал? Мэр города меня утвердил на это место. И я отсюда не уйду. Делиться с тобой я тоже не собираюсь.

– Ладно. Чиновники не должны вмешиваться в нашу жизнь, дядя. Давай выясним это так, как выясняли до нас люди нашей профессии. Как поживает твой цвайхандер?

– Мой цвайхандер?... – Краковский палач бросил взгляд на висевший на стене двуручный меч. – Мой цвайхандер отлично поживает.

– О, ты не знаешь, что такое вырезать коленные чашечки, дядя! Я вырежу их тебе и постараюсь сделать это до того, как ты испустишь дух! – Рафал Кобин растянул губы в жуткой улыбке, показывая желтые, наполовину сгнившие зубы.

– Смешон ты в своей гордыне, Рафал!

– Жду тебя сегодня ровно в полночь на пустыре за Восточными воротами. Не будем нарушать традицию и встретимся там, где испокон веку проводились поединки между людьми нашего круга. – После этих слов Кобин усмехнулся

и зашагал прочь.

* * *

– Дед, ну давай дальше!

– Я тебе только и делаю, что даю... Не перебивай, так бо-
ле услышишь. Когда-то в стародавние времена жил-был пре-
светлый князь наш Владимир Красно Солнышко.

– Он у тебя то разоритель, то пресветлый?! Сам же гово-
рил, мол, волховников со свету стравливал! – Оладша шмыг-
нул носом.

– А ты, говорю тебе, не перебивай! – Старый Ульян по-
правил тесьму на седых волосах.

– Ладно. Не буду! Все одно – не складается!

– Помолчи уж, так и складется. Нраву князь наш пре-
светлый был иной раз дикого, и по его жестокому указанию
много людей погибло. Врагов побивал без пощады и своих
не больно жалел, ежели чего... А Смоленск во ту пору, ко-
гда Русь по низовью Днепра крестилась, долго еще оставался
языческим. Послал Красно Солнышко одного славного ви-
тязя с дружиной, чтобы те, значит, город наш тоже окрести-
ли. Да не больно просто у них все это вышло, потому как
жила здесь одна красавица красоты неписаной – Марья Белая
Лебедь. Ну витязь наш, Михайло Потока, и влюбился, да так
крепко, что позабыл и зачем приехал.

– А язычки тож, значит, красивые! А тетка Матрена про

них говорит такое, дескать, с хвостами они были да некоторые ажно с копытами!

– Ну не егоза ли тараканья! – Ульян легонько шлепнул сухой ладонью внука по загривку. – Ты будешь слушать, али как?

– Да эт я так. Все ж много непонятного. Дед, давай дальше-то.

– Ты посиди на месте-то да не дергай сказ мой. Ну, на чем я там?... А, вот... Влюбился витязь Михаил в Марию Белую Лебедь. А та ему и говорит, мол, пойду за тебя, но только дай мне слово, что ежели я раньше тебя умру да на тот свет отправлюсь, то ты тоже со мной в курган-могилу лягешь, а коли тебе черед первым умереть, то я за тобой в землю спущуся. На том поклялися друг другу да в скорости и свадьбу сыграли.

– Да что ж христианин на езычице женился?

– Да помолчишь ты али нет, комар вредный!

– Молчу уже, молчу!

– Пищит и пищит, знай себе! Може, ты поболе моего знашь? – Ульян с досады хлопнул ладонями по острым пенькам своих колен. – На чем я тама?... Опять, что ль, заново? – Старик до того уже был раздражен, что не мог унять ходуном заходивший кадык.

– Да в курган леча поклялися. – Оладша озорно заулыбался.

– Вот и поклялися. Вскорости апосля свадьбы занедюжи-

ла жена молодая да и опочила скорехонько. Погоревал Михаил Потока один день и одну ночь. Но так он шибко любил свою жену, что клятву выполнил, спустился в курган-могилу и возлег рядом с супругою. Други засыпали их обоих, а сами-то сели править тризну, как по тем временам водилось, три дня и три ночи. И вдруг-кось, нá тебе, на вторую-то ночь земля зашевелилась и вышла из могилы Марья Белая Лебедь. Жива, целехонька, только щечки от лежания в земле чуть бледноватые. Задумались товарищи Михаила: что-то тут неладное. Давай откапывать друга своего. Откопали. Разбудили. Едва успели, надо сказать. И говорят, дескать, так и так, Марья-то из земли здоровехонькая вышла. Очнулся Михаил да бегом в терем. Видит супругу всю довольную собой да гордую. Он сразу-тоть понял, что она его в могилу хитростью положила, но так крепка его любовь была, что простил он ей это. Прошло время – много ли, мало ли, – да позвала лукавая Марья мужа в лес погулять. А тама обратила бедного в камень да и кинула в ручей. Вернулась домой одна, вся слезьми заливаается, мол, выскочили волки, витязь с ними схватился, а ей приказал бежать. Прошло еще сколько-то времени, уж дружина ушла обратно в Киев, уж и Марья замуж за одного литвина-езыца засобиралась. Но так случилось, что шел калика перехожий по тому лесу, захотелось ему попить, наклонился он и вдруг словно почувал, что будто камень ему сказать чего-то хочет. Взял калика в руку камень, сотворил молитву – и нá тебе – камень стал красавцем-ви-

тязем. Поблагодарил Потока калику, а сам в Смоленск поспешил. В городе играли свадьбу размаха невиданного. Как увидела Марья-колдунья Михаила неврежденного, так и озверела прямо на месте. Сказывают, у нее даже вместо ног копыта появились. И велела она мужа своего приколотить к воротам, чтобы, дескать, страдал он, как Бог христианский. Так и сделано было. И погиб бы славный Михаил Потока, ежели б не плыла во ту пору по реке ладья изукрашенная, а в ней дева Анастасия, в христианскую веру крещенная. Испугалась ее молитв колдунья Марья, обратилась в белу лебедь да и улетела. Михаила сняли с ворот, залечили раны, оставленные от гвоздей. А потом уж и свадьба была. Смоленск-от после этого и пришел ко крещению.

– А с Марьей что? Неужто так и живет? – Оладша громко сглотнул.

– А Марья в наказание за свое езыце так и осталась белой лебедью. Сказывают, летает до сих пор по Днепру. А та ладья, что пойдет за ее белым хвостом, обязательно аль на мель сядет, аль днище порвет о камень.

– Дед, а еще расскажи, а!

– Хватит ужо на сегодня. Темнеет. Ишь вон и осень подкралась. То-то у меня все косточки ломит. Но больно уж шибко ломит нонче. К лиху, чё ль, не пойму!

Неожиданно из сгустившейся тьмы раздался волчий вой. Длинный, протяжный и одновременно печальный. Дед Ульян даже вздрогнул и, перекрестившись, посмотрел на

полную луну, которая выкатилась из-за серой тучи.

– Дед, а вот ты сам-то тоже кудесы бьешь. Тетка Матрена говорит, что в тебе лешаки колобродят.

– Чего она, баба дурная, смыслит? Когда скот болеет, тогда и бью, чтобы духов поизгнать.

Вой повторился и звучал до тех пор, пока луна снова не спряталась за тучу.

– Вот разошелся, шельма пучеглазая! Чего-то сегодня ему не шибко весело! – Ульян встал с лавки и одернул длинное льняное платье, доходившее почти до пят, расшитое разными знаками.

– Пошто ты его так ругаешь? Белый – хороший. По лесу поди как мается. Ты же его отпустить обещал.

– Коли обещал, то и отпущу.

Год назад нашел в глухом ельнике Ульян волчью семью. По лесу тоже голод иногда лютует. В людском мире третий год как неурожай, толпы обнищавших, с подпертыми голодухой ребрами по дорогам бродят. А коли у людей худо, то и у зверья всяко так же. Волчица и еще трое щенарей уже были мертвы, а один, белый, точно снег, шевелился, пытаюсь из мертвого материнского соска молока добыть. Тогда и взял старый Ульян волчонка. А через год это был уже мощный хищник, красавец с широкой грудью, крутым загривком и страшными клыками.

Вой стих. И Ульян опустил на лавку, глядя с тревожным прищуром на дальнюю изгородь.

– Кажись, подуспокоился. Неладно у меня на сердце чего-то, Оладша!

– Неладно пока. А Белого отпустишь – и все сладится.

– Не то все, парень. Три дни тому Либуша захаживала. Знашь Либушу?

– А кто не знает. Тоже ведьма та еще.

– Дурной ты, а! А кто тебе пупок справил? Так бы дрисстал по кустам, пока всю душу не выдрисстал. Ты вона посмотри, скольких она от того света уберегла.

– Да я-то чего! Людей она лечит, но, сказывают, каким-то своим идолам кланяется.

– Ежли чего не понимаешь, то не осуждай.

– Так чего Либуша-то?

– А того, парень. Жил во времена князя татарского Батыги один знатный воин, сам родом из города Риму. Но точно не берусь назвать, откель родом. Батыга считался непобедимым, самое лучшее войско у яво. Всех побивал. И решил добраться до Смоленска наконец. Да не тут-то ему было. Витязь по имени Меркурий встретил на Долгомостье татар да обратил их в бегство. Сам же погиб. Но ценой своей жизни уберег Смоленск. Вот коли зайдешь в Успенский собор, то увидишь в левой стороне шелом, сандалии и копье. Так это его доспехи.

– Видел, как не видеть! – Оладша аж задержал дыхание. Меркурий был его любимым героем, и слушать о нем он мог бесконечно.

– И коня его звали – Черныш. Красавец конь был.

– А ты будто видел, дед?!

– Може, и видел. Може, и сам по той осенней землице хаживал. Кто его знает!

– Эко тебя опять потащило. Так чего Либуша?

– Кости Черныша схоронили под Днепровскими воротами. И как враг приближается, конь из-под земли ржать начинает. Так вот Либуша-то слышала давеча ржание и сказала, что беда идет.

– Беда? – Оладша поднял глаза.

– Да. Говорит, когда вместо деревянной крепости вырастет краснокаменная, тогда, мол, придет лихо из закатных стран.

– Да ну тебя, дед! Это ж когда такая вырастет! – Оладша не поверил Ульяну, но сам, закатив глаза, представил себе красную из камня крепость вокруг Смоленска.

Глава 1

«Идем к вам не для того, чтобы воевать и кровь вашу проливать, а для того, чтобы при помощи Божией охранить вас от ваших врагов, избавить от рабства и конечного погубления, непоручимо утвердить православную русскую веру и даровать вам всем спокойствие и тишину...

Если же пренебрежете настоящим Божиим милосердием и нашей королевской милостью, то предадите жен ваших, детей и свои дома на опустошение войску нашему».

Михаил Борисович Шеин поднял налитые негодованием глаза на польского посла.

– Что передать его величеству Сигизмунду Третьему? – спросил посол, едко улыбнувшись уголком рта.

– Ступай. Надо будет, отвечу. А куда некогда мне на письма короля твоего отвечать. – Как хотелось Шеину скомкать пергамент и швырнуть в лицо надменному шляхтичу, но удержался, не из-за страха, а не хотел тревогу свою выдавать, да и не положено с послами голос дыбить.

Посол поклонился и, бряцая шпорами, покинул гридницу.

– Слышал? – спросил Шеин, обращаясь к Горчакову.

– А то. Они скоро уже в Красном будут.

– Посады сжечь не успеем. Как посадские?

– Согласились сидеть, сколько Бог силы даст, а дома на

поджог оставить.

– Ты вот чего, князь! Давай-ка мы с тобой кое-чего сладим. Тут я поруку поднял. Надо бы, чтобы все еще раз слово дали. Вот гляди ж.

Порука для стрельцов

«...И где не пошлют и службы им нашею порукой не збегат, государева денежнава и хлебного жалования не снести, казны государевой пищали и зелья и свинцу не снести же и подвог государевых не потеряют, не красть и не разбивать татиною и разбойницу рухлядю не промышлят и зерню не инграут, корчмы и блядни у себя не держат, государева денежнава приезде и приходу не держат, московскому государству боярам всем, земле лиха никакого не учинит, за рубеж в Литву и в немцы и в Крым и иные государства не отехат и не изменить...»

– Это правильно, боярин! Поруки сейчас нужны. А посады жечь бы надобно по-срочному.

– Не дам. Пока люди скарб не вывезут и запасы. А ну как сидеть зиму придется?

– Да полно, Михал Борисович. – Горчаков улыбнулся, обнажив крепкие резцы. – У них пушек всего тридцать, да и те все легкие. Всего войска двенадцать с половиной тыщ, из них семь конницы.

– А запорожцев пятнадцать тыщ чего не учел?

– Те городов брать не умеют, им лишь бы пограбить. А у нас вылазная и сидельные рати, да в каждой башне по семь пушек да по двенадцать затинных пищалей только.

– Не ерохорься, князь. Давай дале.

Порука для дворян

«Сидеть в Смоленске в осаде и государю царю не изменить ни в чем, з города не зкинуться и с ворами и с литовскими людьми не знаться. И сидя в осаде, некоторых смутных слов не затевати и в городе не зажечь, никого со стены к литовским людям не отсылати».

Порука для крестьян

«Государю своему не изменить, в Литву не въезжать и землю в Литву не отводить, и что услышим из Литвы какие вести и те вести государю и государевым боярам и воеводам и дъякам и головам всяким ратным, московским людям сказывать и над ратными подвоху никакова не учинить и литовским людям и изменникам в Литву вестей никаких не носить и добра ворам литовским не хотети и во всем государю своему царю добра хотети и прямите и с Литвой битца до смерти».

Порука для посадских

«Жити посадскому за нашей порукой в государственной отчине в городе в осаде сидет и на сторожу на стены и на слуха подземные ходити и государю царю не изменити, з города, со стены не скинуться и с литовскими людьми не ссылатся, государю не изменяти».

Шейн отер рукавом пот со лба.

«И посадским старостам велити прокликати... по всем торшкам и по крестцам и по всем слободкам и по улицам, что те люди, которым по росписи велено быти на городе со всяким боем, и те б люди стояли все сполна по своим местам и со своим боем безотступно с великим бережением по смотру, а ково по росписи на городе не будет и тому быть казнену смертью».

А спустя две недели стало совсем жарко. Поляки подошли к Смоленску.

– Не круто забираешь, боярин? – спокойно спросил Горчаков.

– Лучше сразу круто, чем потом локти кусать. Суды пусть ведут дьяк Никон Олексеевич, посадские старосты Лука Горбачев и Юрий Огопьянов. Они люди надежные и понапрасну никого не тронут.

– Где казни править, ежли чего? – Горчаков перевел по-

чему-то взгляд на свои руки.

– У Фроловских ворот. Но там только «торговые казни» чинить. Пороть пусть порют, а вешать на людях не стоит. Не то время сейчас.

– Сегодня утром схватили Ивана Зубова.

– Вот бес окаянный. Мало ему, что в Дорогобуже полторы тысячи наших уговорил не возвращаться в Смоленск, так он еще и здесь орудует.

– Чего ему, псу, не хватает! – Горчаков сплюнул. – Ладно бы обделен чем, а то ведь богат, как Густав Адольф.

– Богат, вот и чувствует себя не должным никому. А кто еще с ним?

– Еще семнадцать дворян, стрелец и пушкарь.

– Дворян пороть, стрельца к пушке привязать...

– А пушкаря к пищали, – подхватил окольный Горчаков.

– И чтоб со стены куски их к полякам летели. – Шеин закрипел зубами. И тут же уже смягчившись: – Как тама Маша моя?

– Поклон тебе шлет Марья Михайловна. Ты б спроведал боярыню. А то все на тюфяки смотришь да дымом пороховым дышишь.

– Ну и любо. Ладно, стало быть, все с Марьюшкой. Ничего, Петя, времени хватит на про все. А после с бабами любиться будем. Ты бы Никона мне кликнул.

– Да тута он. За дверью мается. – Горчаков шагнул к по-

рогу гридницы.

– Давай.

Высокий, сухой дьяк Никон Олексеевич, вошел, сильно сгибаясь, чтобы не удариться о притолоку. И замер, глядя поблекшими голубыми глазами на Шеина.

– А... Валяй с самого худого.

– После того как Дорогобуж отбили, дворяне и стрельцы многие поразошлись по своим поместьям. Скопин-Шуйский еще крепления просит. – Дьяк говорил занудновато, держа в голосе одну-единственную ноту.

– Да где ж я ему еще возьму! У самого земля дыбом!

– А ведь возьмешь, боярин. Опять возьмешь и последнее отправишь. А сам тут ужом вертеться будешь. Шуйского не бросишь ведь.

– А... Так ведь он тама противу Лжедмитрия. А здесь все ж король.

– А хрен-то редьки слаще? – хмыкнул дьяк. – Али ты думаешь, коль король, то не разбойник! Бесчинствовать меньше Сигизмунд не будет оттого, что он король. Еще пошлешь, снова разбегутся. Не доверяют они бесперому и бесключеву твоему Шуйскому. Не хотят оне с ним...

– А Дорогобуж опять у поляков? – Шеин потер кулаком лоб.

– Опять, – выдохнул дьяк.

– Значит, послать надоть, – твердо сказал воевода.

– Да как так! – выкрикнул Горчаков. – Что ж ты дела-

ешь-то, отец родной!

– Ыть!.. – Шеин стукнул по столу кулаком.

– Дело твое, боярин, – обреченно и оттого тускло вымолвил побелевшими губами Никон.

– Михайло Борисыч, – вдруг неожиданно возвысившимся голосом заговорил Горчаков, – наша армия уменьшится уже на четыре тысячи.

– А ты почем знаешь, Петр Ивановыч, сколько я еще пошлю?

– Мне б тебя не ведать, воевода! Все лучшее и отдашь. Всех, небось безобразовских и ильинских. Оне ж у нас самы обученные.

– Им в поле биться. А нам за стенами сидеть. А Шуйскому помочь надобно. Вот их, Петр Ивановыч, и распорядись отправить на подмогу царю.

– А... все одно. Пропадем все тут к едрене макарене... – Горчаков сплюнул и пошел выполнять наказ боярина.

– Ты языком-то не плескай, где ни попадя! – крикнул ему вслед Шеин. И уже обращаясь к другому: – Молчи ужо, Никон Олексъевич. Самому муторно. Безобразовских и ильинских, считай, нет с нами. Чего у нас остается?

– Посадских две тысячи пятьсот людей. Крестьян одна тысяча пятьсот. Дворян и детей боярских триста восемьдесят человек. Пушкарей пятьсот ровно.

– Сколько сейчас всех жителей в городе? – спросил Шеин.

– Тыщ семьдесят наберется.

– Ну вот, а вам жалко для Шуйского полторы тысячи.

– Так то ж ратники, боярин. А в городе половина баб, треть детей, остальные в военном деле ни бельмеса.

– Ничего, Никон Олексеевич, где поднести, где раненым помочь... На войне каждой человек себе дело найдет. Вон ведь Сапега, то же воин тот еще, а с маршу город не рискнул брать. Значит, чуют поляки силушку здесь.

– Чуют, – кивнул Никон, – но оттого еще боле ярятся. Сказывают, Сигизмунд на сейме заявил, мол, стоит только саблю обнажить и война кончится.

– Кабы не опрохвостился августейший! – хмыкнул Шеин, мотнув седеющей головой. – Давай дале.

– Сотские расставлены по башням. Сорок восемь сотских из торговых и посадских, тридцать девять из дворян.

– Эх, армия! – Воевода довольно улыбнулся. – А дворяне-то, гляди ж, в меньшинстве оказались.

– Поделом им, – со спокойной монотонностью ответил Никон, не давая одной-единственной ноте слабину. В башнях по семь пушек, по пяти затинных пищалей и по две сороковых.

– Чего у них?

– Общая численность армии Сигизмунда Третьего. – Дьяк заговорил еще медленнее и еще более вяло, словно репетируя свое пренебрежение к неприятелю. Словно предвидя грядущее. – Двенадцать тыщ пятьсот человек, из них семь тыщ конницы. Еще пятнадцать тыщ запорожских казаков.

Тридцать орудий, из них 26 пушек мелкого калибра. Ядра таких наши стены, как горох, отскакивают.

– Ну-ну. Не скалься, Никон, – пожурил Шеин.

– Из «слухов» есть донесение. Вроде как поляки подземную галерею роют.

– Хитер гетман Жолкевский. Да не на того напал, – прищурившись, весело буркнул Шеин. – Ты-ка вот чего запиши, Никон Олексъевич: «И посадским старостам велети прокликати... по всем торшкам, и по крестцам, и по всем слободкам, и по улицам, что те люди, которым по росписи велено быти на городе со всяким боем, и те б люди стояли все сполна по своим местам и со своим боем безотступно с великим бережением по смотру, а ково по росписи на городе не будет, и тому быть казнену смертью».

Глава 2

Уже глубокой ночью командующий четырехтысячным авангардом канцлер Лев Сапега вновь и вновь перечитывал донесение своей разведки. Поднеся желтый лист бумаги к светильнику и пытаясь унять мелкую дрожь в пальцах, шляхтич то и дело покачивал головой, с прерывистым выдохом бубня в разлетные гусарские усы: «Не взять нам сию цитадель! Не взять. О наисладчайшая Дева Мария, помоги всем нам, грешным и зарвавшимся в своей гордыне!..»

Кому-кому, а ему хорошо было известно, сколько жизни отпущено гусару или рейтару из его авангардной дружины. Да и сам он давно вывел некую формулу, что гусар, доживший до тридцати лет, это плохой гусар.

Глаза слезились от усталости, но вновь и вновь перечитывали:

«По всей длине крепость составляет до семи тысяч шагов. Имеется тридцать восемь башен разной формы и высоты: прямоугольных – тринадцать, многогранных – шестнадцать, воротных – девять. Высота колеблется стен от 26 локтей до 38, толщина от десяти до двенадцати локтей, ширина боевой площадки от восьми до девяти локтей. Башни и стены покоятся на прочном фундаменте, состоящем из двух ярусов дубовых свай, забитых в дно вырытого котлована, утрамбованного щебнем и бутовым камнем. Подошвенная часть

стены сложена из хорошо отесанных прямоугольных блоков камня, а остальная часть – из обожженного кирпича, который столь тверд, что подобного еще мир не знал. Кирпичная кладка ведется одновременно с двух сторон – наружной и внутренней, образуя как бы две стены друг супротив друга, внутреннее пространство которых заполнено щебнем, бутовым камнем и залито известковым раствором. Внутреннее заполнение стен немного не доходит до боевого хода, а от него уже идет сплошная кирпичная кладка всей стены. Ширина боевой стены достигает девяти локтей. Стена завершается зубцами, которые делятся на глухие и боевые, имеющие отверстия для стрельбы. Поверх зубцов пущена двухслойная кровля, которая является завершением ансамбля. Также стена в соединении с башнями представляет собой широкую и непрерывную крытую галерею, на которую можно попасть из башни или из некоторых амбразур... Башни крепости расположены почти на равном расстоянии друг от друга, а участки стен между ними прямолинейны, что дает возможность защитникам вести действенный фланкирующий обстрел со всех участков. В башнях и стенах имеются три яруса бойниц: подошвенный ярус, средний и верхний. Стрельба со всех ярусов может вестись из мелких орудий, в башнях сосредоточена тяжелая артиллерия. Существенная особенность в том, что бойницы среднего боя расставлены в шахматном порядке по отношению к подошвенным. Также имеются сводчатые камеры в бойницах подошвенного и средне-

го боя, что дает возможность неприятелю лучше использовать военную технику, свободно размещать пушки, сохранять боеприпасы, особенно во время непогоды, и укрывать пушкарей от дождя. Перед воротными башнями неприятель поставил широкие срубы, наполненные камнями и землей. Подойти к башням можно только по узким тропкам. В лоб атаковать нет никакой возможности, если только попробовать взорвать срубы петардами. Следовательно, враг может истреблять нас, расстреливая в упор из подошвенного боя. По всей видимости, у неприятеля есть хорошо обученные вылазная и осадная рати. А также большой человеческий ресурс внутри города».

Сапега отложил донесение и растер ладонями занемевшие лицевые мышцы.

«...Большой человеческий ресурс внутри города...» – медленно повторил он про себя. Значит, нужно отрезать от снабжения, перекрыв дороги. А это длительная война. Война на чужой территории. А если Скопин-Шуйский придет на подмогу Шеину? Нет. Нужно действовать быстрее. На свой страх и риск.

В польском штабе у Сапеги и Жолкевского были давние разногласия. Поэтому зачастую два полководца действовали независимо друг от друга, что приводило в ярость Сигизмунда Августа.

Сапега очень хотел, чтобы общее руководство войском принадлежало его старому другу Потоцкому. Жолкевский

же тихо ненавидел канцлера за то, что тот не дает ему единолично манипулировать королем.

Всегда осторожный, словно старый охотник, Сапега не любил торопить события, предпочитая учиться на ошибках других. И если уже и принимался за какое-то дело, то все тщательно взвесив, спланировав, стараясь предвидеть потери в живой силе до единицы.

Жолкевский, напротив, бросал в бой целые полки, не задумываясь о смерти. Точнее, о тех, кого он своими приказами лишал жизни.

Они были очень разными. Один начинал боевые действия с подробной разведки, другой, презрительно морщась, атаковал в лоб и шел на открытый ураганный огонь.

Так и сейчас: Сапега приказал рыть подземную галерею, углядев слабое место возле Копытецкой башни, а Жолкевский отдал приказ готовиться к открытому штурму Копытецких и Авраамиевских ворот. Кто быстрее?! Победит тот, чья стратегия окажется быстрее и успешнее. Именно тот и станет ближе к королю. А Сигизмунд торопил. Стояла уже достаточно крепкая осень. Не дай бог, скоро ударят холода.

Канцлер встал и потянулся затекшей спиной. Потом откинул полог палатки и выкрикнул в ночь:

– Сосновского ко мне!

Командир отряда лазутчиков Друджи Сосновский мгновенно вырос из темноты, словно стоял и ждал, когда позовут.

– Прочел ваше донесение, пан Сосновский! Толково. Ни-

чего не скажешь. У кого обучались?

Сосновский открыл было рот, чтобы ответить, но промолчал, поняв, что Сапега задает вопрос скорее из вежливости.

Так оно и было. Сапега уже через мгновение не помнил своего вопроса, перейдя к текущей сути дела:

– Что думаете по поводу подземной галереи? – Сапега глубоко вздохнул и достал из полевой сумки тонкую липовую трубку.

– Виноват, пан канцлер. Я хотел во второй части донесения поговорить на эту тему.

– Давайте оставим бюрократию. На бумагу перенести всегда успеете. Данные мне нужны срочно.

– Извольте, пан канцлер. У неприятеля от стены прорыты многие подземные слуховые ходы на глубину более человеческого роста. Ширина – метр. «Потолок» устроен на глубине локтя и засыпан землей. Стены, потолок, пол обложены досками. С помощью этих ходов, которые простираются от стен на 8-10 метров, смоляне их называют слухами, можно точно определить, где неприятель ведет подземные работы.

– Как думаете, смогут ли наши французские инженеры подвести галерею, перехитрив неприятеля?

– Это не в моей компетенции. Я всего лишь разведчик, пан канцлер!

– Вы смогли раздобыть уникальные сведения о крепости. Вы хороший разведчик, Друджи. – Канцлер похлопал по плечу собеседника.

– Нет!!!

– Скромничаете! Ну, это тоже похвально.

– Я плохой разведчик, пан Сапега. Я раздобыл то, что может любой мало-мальски обучившийся человек. Но... вот... в более сложном вопросе я оказался бессилён.

– Вы о чем, Друджи?

Сосновский отвернулся, чтобы канцлер не увидел, как задрожали его губы.

– Друджи? – повторно вскинул брови Сапега.

– Я все об этом... э... скоро опять завоюет. А утром мы найдем еще несколько лошадей с вырванным горлом. – Сосновский посмотрел на гайдуков. Караульные стояли не шелохнувшись с вытаращенными глазами.

– М-да, чертовщина какая-то. Я, признаться, не придавал этому значения.

– Все началось еще в Красном. Помните, мы не смогли выдвинуться вовремя? А бедные лошади гибли и гибли каждую ночь.

– Да помню. Мы опоздали на целую неделю. – Канцлер наморщил лоб.

– За это время смоляне успели пожечь посадки и поставить срубы перед воротами.

– Вы хотите сказать, что нечистая сила помогает нашему врагу? Право, смешно.

– Не вижу ничего смешного. Жолкевский еще два дня назад хотел пойти на приступ, но...

– И что «но»?

– Утром, перед самым началом штурма, он обнаружил своего коня с вырванным горлом. Понимаете. С вырванным...

– Только без истерики, прошу вас, пан Друджи. Уж вам-то, побывавшему в самой пасти дьявола, верить в нечисть. Мародеры ведь есть не только среди рода человеческого, но и среди зверья, которое безумеет от вида крови и порохового грохота. Наверняка это просто стаи одичавших собак или обнаглевшие волки. Все ищут поживы.

– Я бы охотно с этим согласился, если бы не некоторые странности. Понимаете, тот, кто убивает наших лошадей, не нуждается в пище.

– То есть?

– Ну так. Он или оно не ест их, понимаете?

– Вы хотите сказать, что мы имеем дело с тупым убийцей?

– Именно это я и хочу сказать.

На какое-то время воцарилась мертвая тишина, натянутая, словно воловья струна.

Было слышно, как в светильнике, потрескивая, тает масло. Один из гайдуков не выдержал и шумно сглотнул.

– Скоро он снова завоюет, – обронил Сосновский.

– Если завоюет, я так полагаю, значит, это, скорее всего, волк.

– Во всяком случае, существо очень напоминает волка.

– Вы что, видели его? – Канцлер подошел к собеседнику,

пытаясь заглянуть тому в глаза. Сапега явно засомневался в душевном здоровье своего разведчика.

– Да, белый. Точнее, похож на белого волка. Только большой, если не сказать огромный.

– Вы пробовали его схватить?

– Я стрелял. Но тщетно.

– Это дело егерей, а не ваше, дорогой пан Сосновский. Завтра я поручу изловить эту сущность. И поверьте, я на ваших глазах, кто бы он ни был, сдеру с него кожу и зажарю на углях. Да-да, на углях. А вы на это будете смотреть.

– Я с удовольствием поверил бы вам, пан канцлер. Но я сам егерь, сын егеря, внук егеря. До седьмого колена вниз у меня в роду егеря. Я, как мне казалось, знаю о звере все. Но... но... – Сосновский вздрогнул и посмотрел куда-то в сторону.

– Вы оттуда слышали вой? – Сапега посмотрел по линии взгляда собеседника.

– Да.

– Хорошо. Сейчас я дам задание, и в ту сторону выедут люди. А вы идите отдыхать. Все. Прошу вас. Отдых нужен и мне.

Сосновский кивнул и вышел из палатки. Канцлер облегченно вздохнул, проведя холодной ладонью по вспотевшему лбу.

Через несколько минут командующий авангардными силами крепко спал в своей палатке, конечно же не отдавая ни-

каких распоряжений по поводу странного воя.

А Друджи Сосновский, лежа под походной телегой, сходил с ума от глубокого, пронзительного воя, растущего понад кромкой черного, смоляного леса.

* * *

– Пан Новодворский, что вы скажете мне по поводу этих деревянных каракатиц? – Жолкевский саблей указывал в направлении Авраамиевских ворот.

– Мы зададим им такого перцу, пан гетман, что чертячий огонь покажется им райским садом! – Новодворский указательным пальцем поправил лихой ус.

– Я ничуть в вас не сомневался, молодой человек.

– Нужно разбить мои силы на два отряда. – Новодворский был переполнен гордостью и сиял, как начищенная пуговица.

– И?...

– Помните, как однажды Ганнибал осаждал один римский город? Он сделал вид, что будет атаковать с одной стороны, а сам ударил с другой.

– Классическая военная история вам поможет, дорогой друг.

– Я с самого раннего детства мечтал стать полководцем. И много, очень много читал.

– Похвально.

– Обещаю вам, пан гетман, что обедать вы будете в городе. Эти варвары ничего не стоят. В них нет ни ума, ни тем более сколько-нибудь просвещенности. Да что они могут знать о древней полководческой славе? О тактиках и стратегиях? Стадо дремучих, грязных свиней.

– И что же по поводу тактики на данный эпизод нашей жизни, вы не договорили? – Жолкевский привстал в стремени.

– А вот смотрите. Половину своих людей я брошу на Авраамиевские ворота. Там завяжется бой. Тупые варвары наверняка перебросят силы с Копытецкой башни им в помощь. А вот тут я и ударю. В аккурат туда, откуда их силы будут переброшены и оголится фронт.

– План превосходен, пан. Я одобряю. Желая вам нагулять отменный аппетит. – Жолкевский тронул шпорами коня и поехал на холм, чтобы посмотреть военный спектакль сверху.

В шуме разворачивающейся атаки гетман не услышал, как сзади подъехал Сапега. Оттого и кособоко вздрогнул, услышав его голос.

– Пан гетман, вы несете полную ответственность за потери в живой силе. – Канцлер сидел на коне, сильно ссутулившись, стараясь не смотреть на происходящее под стенами.

– Уж вам-то, канцлер, доподлинно известно, что рыть землю, подобно кротам, куда как разумнее. – В слово «разумнее» гетман попытался вложить всю свою брезгливость, ко-

торую испытывал к собеседнику.

– Вы не расскажете, что случилось с вашей лошадью? – Канцлер кривовато улыбнулся.

– У меня был конь. Конь. А не какая-то там лошадь! Вот за него они, – гетман указал рукой в сторону города, – они мне отдельно заплатят.

– Я очень надеюсь, что это произойдет скоро и без лишних потерь. Хотя в отношении такой проблемы, как убитые и раненые, у вас свой взгляд!

– У меня где-то завалялись надушенные шелковые платки, пан канцлер. Я их вам подарю сегодня в Смоленске за обедом от всей души.

– Они мне понадобятся в том случае, когда тысячи тел будут издавать на поле запах тления. Приму, дорогой гетман.

– Как же вы мне надоели, канцлер! Идите займитесь своими подземными галереями. Победители туда вам отнесут яства!

– А кто будет победителем?

– Еще слово, и я буду вынужден пустить вам пулю в живот за измену!

– А что же так? Вы вроде говорили, что у вас блестящий референдерский удар! А тут вдруг пулю... Да еще в живот!

– Я никогда не испачкаю о вашу плоть свой клинок. – Лицо Жолкевского пошло багровыми пятнами.

– Добавьте еще: «грязную плоть». – Сапега делано засмеялся. – И все же советовал бы для начала разобраться в ис-

тории с убитым конем, дорогой гетман. – Канцлер легко потянул повод и отъехал в сторону.

А в это время отряд Новодворского разделился на две части и стал напоминать жало змеи. Гусары с хлопающими крыльями за спиной закрутили карусель между Авраамиевских и Копытецких ворот, паля из пистолетов по защитникам крепости. Пехота же панцирной хоругви с обушками и бандолетами наперевес пошла чуть сбоку, принимая на себя огонь с Копытецкой. Отвечая. Отплевываясь ружейным огнем. Но при этом делая вид, что идет на осаду к Авраамиевским воротам.

Поляки шли на штурм без огневой подготовки, плохо понимая, что от них требуют командиры. Больше боясь немецких наемников фон Вайера, которые дышали им в спину, чем шквального огня защитников крепости.

В глубине своего строя отчаянный Новодворский собственноручно тащил петарду. Рейтары мужественно закрывали своими телами его от летящих осколков и пуль, падая снопами со всех сторон. Неожиданно огонь стал утихать.

– Они поверили. Они мне поверили. Тупые свиньи. Держать строй! – Новодворский сорванным голосом кричал толпе воинов, прижимая петарду к груди.

* * *

– Вот тако же оно! – Шеин хмыкнул в седой ус.

– Так чего?! Ишь, пошли на штурм! Может, подсобить авраамиевским? – Сотник Олеша Лукьянов распахнутыми глазами смотрел на лязгающее броней, окутанное дымом, плюющееся бесноватым, неприцельным огнем польское войско.

– А ты погодь чуть, Олеша! Вишь, драгуны ихние как-то в стороне. А чего, спрашивается? – Воевода прищурился, стиснув тугими пальцами плечо сотника.

– И то ведь правда! Отобьются хоть, Михайло Борисыч?

– Авраамиевские отобьются. Да и сдается мне... – Шеин хлопнул себя по лбу. – Вот ведь я тугодум.

– Так чего? Сподмогнем, чо ль, авраамиевским?

– Они того и ждут, чтобы ты, горячая голова, людей своих отсюда убрал бы. – Шеин едва успел договорить, как мушкетная пуля ударила по внутренней стене амбразуры.

Круглая, горячая, она отрикошетила и впилась в глаз стоящему позади пищальнику Захару Давыдову.

– У-у, сука! Елык-камелык! – не то тихо взревел, не то яростно пропел пищальник.

Но тут же выхватил откуда-то из-под кафтана тряпицу и, держа ее в скрюченных от боли пальцах, полез этой тряпицей в глаз. С благим матом и зубовным скрежетом вырвал из глазницы пулю и кровавый ошметок, который еще мгновение назад был здоровым глазом, а затем сам себя и перевязал этой же тряпицей наискось через голову.

– Иди ужо до лекаря, Семеныч! – крикнул сотник.

– Никуды я не пойду, елык-камелык!

– А пользы с тебя топерь? Поистечешь тут весь.

– Я им за глаз свой, елык-камелык, ужо-то... – просипел еще не отошедший от боли пищальник и потряс в сторону неприятеля оружием.

– Оставь его! – Шеин снова открыто смотрел сквозь бойницу. – Ага. Ну да, ну да... А ну-ка, Олеша, убирай людей своих с башни и по пятый зубец от нее в стороны. Всех убирай. Чтобы духу не было никого. Бегом.

– Ты чё, Михайло Борисыч?

– Делай чего велено. Ставь внизу полой коробкой супротив ворот. Копейщиков впереди, а за ними пищальников да аркебузников. Чтобы все позарядили.

– А каков квадрат должен? – Олеша вытаращенно смотрел на Шеина.

– Драгун вона видишь? Вот они должны все аккурат поместиться в твоём квадрате. И чтоб ни одна гадина не ушла!

– Понял, воевода. Эт мы быстро поставимся. Как же, по десять раз на дню так застраивались. Быстро управимся. – Олеша сообразил, чего хочет Шеин, и в предвкушении чего-то лихого потер руки. – А ну, давай на три линии супротив ворот становись. Оружие заряжай!

– Еще сверху схорони десятка два стрелков. Можно с саадаками. Но так, чтобы с поля не видно было, что на стене кто-то есть.

– Так я ж их на пузо-то и положу. Такоже и делали не раз. Засада, значитя!

– Правильно смыслишь, Лукьянов! – Шеин залюбовался тем, как быстро и слаженно натренированные бойцы строятся в линии, образуя мощную коробку напротив ворот. – Сейчас я еще к тебе подкрепления пришлю.

Воевода вынул из-за пазухи кусок багровой, как заря, ткани и, глядя на Успенскую колокольню, взмахнул три раза. Взмах этот означал, что требуются три сотни бойцов на Копытецкую. С колокольни ответили одним протяжным и тремя короткими звуками трубы. Дескать, поняли.

– Теперь смотри, Олеша. Сейчас кто-то вон из той толпы вынырнет с петардой. Но мы его подпустим. Пусть взрывает. И пускай драгуны прямо и вломятся. Ты следи только, чтобы воротную решетку за гостями вовремя опустили.

– Понял, Михайло Борисыч.

– Ну коли понял, то и с Богом. Это и будет наша первая сшибка.

А через поле наискось от строя рейтар бежал весь растерзанный и расхлыстанный Новодворский, держа в руках петарду. По нему не стреляли. Но тем не менее шляхтич сокращал расстояние, используя зигзаги. Ему даже мерещилось, что возле его ног от пуль фонтанчиками вспыхивает земля.

Храбрый, но недалекий и безрассудный Новодворский был на все сто процентов уверен, что перехитрил защитников крепости.

Он подбежал к наполненному землей срубу, подsunул под нижнее бревно петарду и откатился на несколько шагов. По-

сле этого поджег фитиль и со всех ног бросился прочь.

Грянул взрыв. Бревна с землей рванулись вверх и на десятки шагов в стороны. И уже неслась четверка безумных ослепленных лошадей, между которыми на толстых веревках болтался таран.

От удара тараном Копытецкие ворота подались назад. Веревки лопнули, и несчастных животных разнесло в стороны. Ломая ноги о развороченные бревна, они налетели на стены башни и с вывернутыми шеями рухнули наземь.

И уже шло, набирая скорость, панцирное войско.

Драгуны, перескакивая через преграды, вломились в город. И тут же были встречены шквальным огнем из пищалей и аркебуз. Воротная решетка стремительно поползла вниз, перекрывая отступление.

Окруженные с четырех сторон, всадники метались между рядами длинных пик и копий. А пули и картечь смолян рязили без устали и без пощады. Сверху били луки-саадаки, стрелы которых попадали точно в незащищенные места между воротом и линией шлема. Крюки и специальные когтистые захваты вырывали из седел. Черепа крошились копытами своих же коней. Разноцветные гребни из длинных перьев летели с голов, сами головы катились, подобно комьям глины, дорогие доспехи превращались в искореженный хлам.

Сам Шеин стоял, скрестив на груди могучие руки, наблюдая за избиением с высоты боевой площадки Копытецкой башни.

– Ну вот и ладно! Ну вот и погуляли! – тихо пробасил он себе под нос.

Глава 3

Якуб Мцена шел своей легкой, пружинистой, чуть прыгающей походкой, глядя на пламенеющий восход. В войсках его узнавали именно по походке. У него было даже прозвище Легкий Ворон. Из-за правого плеча высилась длинная рукоять цвайхандера, двуручного трофейного меча, который, по легенде, достался ему в одном из боев со шведами. С тех пор прошло около двух лет. Цвайхандер словно прирос к спине, став естественным ее продолжением. Тяжелой брони Якуб не носил, предпочитая лишь кожаный доспех. С появлением огнестрельного оружия смысл в металлическом доспехе отпал сам собой. Пули пробивали его насквозь. И если человек получал пулевое ранение, то еще такие доспехи приносили дополнительные трудности. Чтобы подобраться к нужному месту на теле, необходимо было сначала освободиться от увесистого железа, при этом часто еще больше разбередив саму рану. Плохо спасал тяжелый доспех и от колющих ударов. Нередко, сковывая движения сражающегося, приносил тому больше вреда, нежели пользы. К тому же металл дорого стоил и естественно манил своим блеском алчных мародеров.

Трудно было определить на глаз его возраст, но стоит сказать, что он за два последних года успел побывать во многих переделках, отличиться во многих сражениях и завоевать се-

рзную репутацию среди таких же, как он, наемников.

Косой шрам от шведского палаша шел через все лицо от левой брови до правого угла верхней губы. Сломанный цепом нос. Пунцовый желвак практически полностью закрывал левый глаз, а правый стал, напротив, неестественно большим из-за надорванных лицевых мышц. Еще один шрам на горле напоминал ствол дерева с растопыренными ветвями – рана, полученная от зазубренного ятагана и навсегда изменившая голос. Многочисленные большие и малые рубцы по всему телу. Словом, родная мать не узнала бы его – так изменилась его внешность буквально за два года. Но Бог любил Мцену. Ни одного серьезного увечья, которое могло бы сколько-нибудь повлиять на его карьеру наемника. Ни сломанных костей, ни перерубленных сухожилий, ни контузий. Зато яркая, белозубая улыбка, вызывающая у многих зависть. А зубы в ту пору стоили очень дорого. Было немало тех, кто подрабатывал на зубах убитых на поле сражений. И не только убитых. Нередко молодые бойцы боялись потерять свои зубы во сне. А были случаи, когда мародеры и марки-танты, шедшие за войском, специально убивали человека, не дожидаясь, пока он погибнет в бою, чтобы получить то, что возвращало красоту и молодость, – зубы.

Поросший буйным смешанным лесом холм, ярко-желтый от осенней, подернутой утренним холодком листвы, почти сливался с поднимающимся солнцем. Продлевая его в несколько раз.

Мцена перепрыгнул через ручей. И стал мечом прорубать себе дорогу сквозь кусты. Можно было пройти дорогой. Но так быстрее и даже спокойнее, поскольку польские разезды не зададут лишних вопросов.

С вершины холма открылся потрясающий вид.

По правую руку тянулся чешуйчатый, сверкающий Днепр, на берегу которого грозно вздымались крепостные стены. Жутковато темнели бойницы башен, ровным крепким рядом шли зубцы кремля. Между зубцами то и дело матово вспыхивали наконечники копий, дула ружей, клинки сабель.

На противоположной стороне Днепра раскинулся польский лагерь его величества короля Сигизмунда Августа. Краски. Краски. Разноцветные перья на максимилиановских шлемах, разноцветные плащи, подбитые дорогими мехами, волнующиеся гривы коней, блеск панцирных доспехов. Хоругви. И много-много чего еще.

Якуб осторожно спустился на другую сторону холма, стараясь производить меньше шума. Но как он ни старался, его заметили.

– Стоять! – раздался резкий окрик из-за низкого ельника.

– Стою, – подчинился Мцена, разведя руки широко в стороны, показывая пустые ладони.

– Кто? Куда следуешь?

– Иду наниматься на службу в непобедимую армию его величества короля Сигизмунда Третьего.

– Меч положи на землю!

– Возьми, коли сумеешь! – Мцена чуть повернул голову и скосил за спину себе взгляд.

В ельнике зашептались. А потом опять тот же голос сказал:

– Ладно. Пусть висит на спине. Но руки вытянутые держи перед собой.

– Не очень-то гостеприимно встречаете!

– А шут тебя разберет, кто ты есть такой. Сейчас отведем к начальнику. Пусть сам разбирается.

– Куда идти-то?

– А вперед так и иди.

Через несколько минут тропинка, по которой шел Мцена, вынырнула на небольшую поляну. К нему подошел человек в собольей шапке с зеленым верхом.

– Меня зовут Друджи Сосновский. Я командую разведкой на этом отрезке. Вы кто такой?

– Якуб Мцена.

– По каким вопросам пожаловали?

– Наниматься.

– Кем?

– Могу служить в пехоте. Но по главной профессии я – палач.

После этих слов люди, стоявшие вокруг Сосновского, чуть попятнулись.

– Палач? – переспросил Сосновский.

– Да.

– Только экзекутор или умеете что-то еще? – Сосновский обратил внимание на левую руку палача – половина мизинца отсутствовала.

– Говорю же, могу служить в пехоте.

– А расследовать дела умеете?

– Связанные с убийством – да.

– Вы нам подходите. Сейчас вас проводят. Накормят. Определят в подразделение. А через час мы вновь встретимся.

Мцена молча кивнул и пошел за одним из разведчиков.

Друджи Сосновский смотрел в спину удаляющемуся незнакомцу, неожиданно почувствовав кошмарную, сосущую пустоту под сердцем, словно сама смерть заглянула в его нутро и выхолодила там все своим дыханием.

После обеда Сосновский вышел из шатра.

Палач уже стоял перед входом.

– Итак. Я не буду погружать вас в здешние мифы и сразу без предысторий перейду к делу. – Сосновский снова почувствовал тяжесть ледяной пустоты между ребрами.

– Ты и так уже много слов сказал. – Мцена жевал потухшую осеннюю травинку.

– Попросил бы обращаться к старшему по званию на «вы», сударь.

В ответ Мцена лишь ухмыльнулся.

– Пройдемте в шатер, – продолжил после небольшой па-

узы Сосновский, – так будет удобнее.

И уже в шатре, стараясь не встретиться взглядом с собеседником, шляхтич быстро оборнил:

– Значит, Якуб Мцена? – Сосновский снова невольно бросил взгляд на изуродованный мизинец.

В ответ Мцена чуть кивнул, улыбнувшись обезображенной стороной лица.

– У вас странный акцент. Не поляк? – спросил Сосновский, решив больше не делать замечаний по поводу обращения на «вы».

– Вижу, сердце не на месте? – спокойно и медленно спросил Мцена.

– Да. Чертовщина какая-то. Волк. Или не волк. Кто-то убивает лошадей. Сегодня ночью снова двоих. Да еще самых лучших. Из-за этого каждый наш шаг происходит с опозданием на часы, и неприятель успевает принять противоходные меры.

– Лошади начальничьи?

– В том-то все и дело. Пока подбирают другую лошадь, время ускользнуло. А в Красном, перед самым выдвижением войск, в ночь накануне погибло сразу полтора десятка. И все кони высших командиров. Выступление пришлось задержать. Неприятель за это время успел пожечь посадки и поставить срубы перед воротами. Наша артиллерия оказалась беспомощной. Я сигнализирую об этом руководству, но от меня отмахиваются, как от сумасшедшего. Наверно, я пло-

хой разведчик. – Друджи закрыл ладонью глаза.

– Может, одичавшие от войны псы? – предположил Мцена.

– Нет же. Псы раздирают жертву и сжирают все до последней требухи. А в этом случае происходит убийство. Ведь если бы был зверь, то он бы шалел от вида крови и испытывал чувство голода. Понимаете?

– Зверь убивает чаще, чем ему позволяют насладиться добычей, как лакомством.

– Если бы. Мы находим лошадей с разорванным горлом. И никто их не ест. Можно предположить, что зверь убил, но его спугнули, не дав насытиться. Можно. Но зачем ему убивать полтора десятка в Красном? Да и если бы это случилось один раз. А то ведь счет идет уже на добрую сотню лучших лошадей.

– Я бы хотел осмотреть раны.

– Я бы тоже хотел, чтобы лошадей не съедали голодные солдаты и пьяные мародеры.

– Нет ничего, на что можно было бы взглянуть?

– Пока нет. Но это ненадолго. Я думаю, в ближайшую ночь должно вновь произойти нападение.

– По каким приметам можно определить, будет или нет нападение? – Мцена поморщился все той же изуродованной частью лица.

Когда он думал, то всегда так делал. Детская привычка, которая стала страшным клеймом.

– Канцлер Сапега ведет сейчас к городу подземную галерею, намереваясь взорвать Копытецкие ворота. – Сосновский громко сглотнул и передернулся при виде того, как исказилось лицо собеседника. – Но всем войском руководит гетман Жолкевский. Они не ладят между собой. Несколько дней назад произошел неудачный штурм. Три сотни драгун попали в засаду и были перебиты, как куры во время забавы. В плен попал любимый адъютант гетмана поручик Новодворский. Жолкевский рвется взять реванш и готовит очередной приступ.

– Опять лобовой? – спросил Мцена, стараясь справиться с гримасой на своем лица.

– Да. Но детали предстоящей операции держатся в строжайшем секрете. Они все-таки прислушиваются иногда. Уж больно много совпадений и провальных операций.

– Можешь подробнее об этом рассказать?

– Я же сказал, что это строгий секрет.

– Тогда сам ищи своего волка. Как мне прикажешь справиться с этой бесовщиной, если я даже не знаю, где и что должно произойти.

– И то верно... – Сосновский, как напуганный заяц, какое-то время вращал глазами, но потом все-таки решился: – Планируется выманить неприятеля из крепости, завязать бой и на плечах убегающих ворваться в город.

– Хм. А неприятель глупее ошипанной курицы? – Якуб усмехнулся.

– План, как и, впрочем, все другие планы пана Жолкевского вызывает много вопросов. Но на войне и не такое бывает. – Друджи и хотел бы высказаться резче. Но кругом – уши. И еще раз уши. И собеседника видит впервые.

– Дерьмовый, в общем, стратег ваш гетман. – Мцена подмигнул собеседнику. Тому даже показалось, что палач просиял невидимой улыбкой.

– Да как-то... но будем осторожнее в высказываниях. – Сосновский поднес палец к губам.

– А где планируется операция?

– Вы же понимаете, пан... э...

– Пан палач! Можно и так. Если ты отказываешься говорить, то лови сам своего волка. А я пойду к другому начальнику. Например, к Жолкевскому. В его сотнях наверняка много работы. Одних дезертиров не перевешать.

– Черт бы с вами! – Сосновский понизил голос до шепота. – Там же, где разворачивалась предыдущая атака. Возле Авраамиевской башни. Все точно так же, только теперь не мы внутрь, а они на нас.

– Странно. Можно было бы поискать другое место.

– Жолкевский – реваншист. Он мечтает победить там, где проиграл. Да и сил нет в достатке, чтобы растягивать линию фронта. Нам даже пока не удастся отрезать неприятеля полностью от снабжения.

– А что известно о вылазной смоленской рати?

– Известно, что она есть. И сдастся мне, достаточно силь-

ная.

– Сильная! – протянул Якуб и уставился немигающими глазами на край трепещущего на ветру края шатра.

Глава 4

Агитатор, изменник и просто сволочь Ванька Зубов сидел в темнице на цепи, как последний пес. Его скрутили на Каспле, где он занимался тем, что ездил по деревням и уговаривал крестьян и стрельцов не воевать супротив Сигизмунда, а присягать сразу новому Димитрию. Палец в рот Ваньке с детства было не сунуть. Ловок на язык, шустер умом и красив, что тоже в этом ремесле немаловажно. Стекланный глаз добавлял к чертам что-то демоническое. В Дорогобуже ему удалось сбить с толку полторы тысячи стрельцов и прочих ратных людей, которые после его речей разбрелись по домам. Гордый, счастливый и уверенный в себе, Ванька поскакал к Смоленску. Но Дорогобуж, как говорят, это одно, а Смоленск – совсем другое. В Смоленске сидел боярин Шеин. Поэтому ситуация в корне менялась. Агитировать во владениях воеводы – все равно что деревянной кочергой огонь в печи шевелить: неизвестно, что раньше золою станет. Вот и попался стервец в железные клещи шеиновских стрельцов. Да и сразу был посажен на цепь, точно бешеный пес.

В темнице Зубов находился уже неделю. Его неплохо кормили, вовремя выносили за ним, а к ночи, когда холодало, ставили чугунок с красными углями на земляной пол. В общем, жить можно. Но это-то и сводило с ума агитатора. Всех, кто был с ним заодно, уже давно казнили во дворе, прямо су-

против окошка его темницы, а его не трогали. «Чего мурыжите, окаянные!» Он кричал в узкое, зарешеченное окошко, но никто на него не обращал внимания.

Лишь иногда, словно в ответ, виселицы, на которых висели трупы изменников, начинали скрипеть на осеннем ветру так пронзительно, что доставали до самых темных уголков Ванькиной души.

Еще первые двое суток такого заточения он выдерживал стойчески, не подавая вида, гордо молчал, стиснув зубы. Посмеивался, ерохорясь перед стражниками. Но потом стал «ломаться». Под горлом зашевелился колючий комок страха.

Дурные предчувствия не обманули. Как-то проснувшись на заре, он увидел, как люди в черных одеждах принесли на двор темницы кол. Вырыли яму. А ему положили чистую, длиною по колено, льняную рубаху.

И тут Ванька завыл во все свое агитаторское горло. Выл он до тех пор, пока не стал пропадать голос. Пока один из стражей не буркнул спокойно и по-свойски:

– Чего орешь?! Самима жрать скоро неча будет. А тут тебя откармливай!

Ванька послушно замолчал, размазывая по щекам слезы. «...Хосподи, Хосподи. Спаси мя, Хосподи!..» Ужас был такой, что он готов был грызть камни. Но камней не было. Словно свихнувшийся щенок, он стал рыть под собой земляной пол темницы, тонко поскуливая, ломая ногти, тыкаясь

заострившейся мордочкой в собственные предплечья.

О, как он хотел, чтобы стражник еще что-нибудь сказал бы ему! Пусть грубое. Пусть любое. Лишь бы слышать речь человеческую. Только на нее можно опереться, находясь пред адом земным. Только в ней и можно разглядеть забрезжившую надежду на спасение. Пусть не в этой жизни, так хоть в загробной. Ведь коли человек простит, то и Бог помилует. Потому как Бог и создавал человека по образу и подобию Своему.

И вдруг Зубов услышал голос. Прямо над своим затылком. Аж мурашки ледяные прыснули по загривку.

– Не ссы-ы! Все одно помирать когда-то!

Ванька повернулся. Над ним стоял огромный запорожец. Чуб – по губам. С голым, посеченным торсом. Окровавленный и грязный. Видно было, что его тащили лошадьми по земле. От одежды только лохмотья остались. Ни рубахи вышитой. Ни шаровар.

– А-а. Помирать. Так ведь страшно помирать, никак! –

Ванька заговорил и удивился звуку своего голоса.

– Страшно не страшно. А надо. Никто два века не живет.

– А ты чего эдак-то по-нашему говоришь?

– Чего? Ты думал, на Сечь только родственники бегут?

Тама, парень, кого только нет. Я сам-то из нижегородских.

– А-а... Вишь вон, на кол сажать будут. Тебя, наверно.

– Ты себя утешаешь али как? – Запорожец мотнул чубом.

– Себя утешаю, – растягивая слова, проговорил Ванька,

глядя на заходящее солнце.

– Ну коли тебе так спокойнее, то утешай.

– Тебя вот сейчас на кол посадят, а мне поесть принесут.

Так-то.

Запорожец не стал отвечать, а лишь потрепал Ваньку по макушке, выказав плеснувшую из сердца жалость.

Закат еще полыхал вовсю, а уж за ним пришли. Содрали лохмотья, облили водой из кадки.

– Дай, сам! – Запорожец дернул рубаху из рук стражника.

Рубаха доходила до колен. А ниже – жилистые, поросшие курчавым, черным волосом икры. Запорожец зашлепал босыми ногами на двор.

Его повалили на бок. Подтянули колени к лицу. И вогнали кол. Жалобно хрустнула плоть. Но ни мольбы. Ни единого звука.

– Как такое стерпеть-то можно?! – зашептал Ванька, глядя, как окровавленные ноги запорожца, обхватив кол, двигаются вверх-вниз, пытаясь не то продлить агонию, не то торопя смерть. – А говорил вот, а говорил, что все одно – помирать.

Он бросился на пол, гремя цепью, скукожился, обхватил руками колени и задрожал всем телом.

Словно на салазках в черное небо выехал месяц. Запряг огромного ворона и покатил между звездами. Ворон шумно хлопал крыльями и выдавливал из напряженной груди протяжное: «кар-р».

Ближе к полуночи засовы вновь загремели. В дверном проеме колыхнулся силуэт.

– Ваня?! – позвал голос.

– Настенька! – Зубов поднял опухшие глаза. – Настенька! – повторил, не понимая: где он и что вокруг.

– Это я... Я. – Девушка опустилась рядом.

– Вот, Настенька. Страшно-то как, не поверишь!

Девушка протянула руку и попыталась погладить Зубова по щеке. Но тот вскинулся, отшатнулся, гремя цепью, забился в угол.

– Ты чего, Вань? Не узнал меня? Так ведь узнал!

– Он сказал давеча, – Зубов кивнул на казненного запорожца, – все одно помирать. Вот ведь как сказал-то. А у самого кол меж крыльцев вышел. Вона как торчит и светится. Я и не знал, что кровь светится. Ты чего пришла-то? Чего?

– Хлеба тебе принесла. Морса вот.

– Лучше бы ты мне, Настенька, смерти легкой принесла.

Не сдюжу я такого. – Зубов кивнул на узкое окошко.

– Говорила я те. Говорила же... – Настя громко завсхлипывала.

– Так ведь я же не убивал. Не воровал.

– А ты сам-то верил али как?

– А еще как верил, Настенька, и сейчас верю. Неужто под Сигизмундом худее ходить, чем под Шуйским. Да и Димитрий, може, и впрямь настоящий. Закоснили мы все. Закаменили. Вот и Шеин каменеет в своем сидении. Не устоит он

перед польской короной. Только людей зря положит в землю. Я вот точно знаю, не устоит. – Зубов перекрестился.

– А коли веришь, что прав, то чего же тогда боишься?

– Так ведь я смерти боюсь. Боли боюсь. А не того, что я не прав. Шляхта нам зла бы не сделала, не войой мы с ней. А одела бы нас по-людски, как сейчас в Европах ходят, а уму бы разуму научила, отмыла бы нас, немых да непричесанных. А уж как мне нравится, когда в ихних костелах попы тамошние службу на латыни читают! Красота. И стоять не надобно. И лбом в пол не надобно. А сел на лавку и внимаешь. И органу слушаешь. Душа при этом взлетает к хлябям небесным.

Зубов перекрестился. И изобразил себя сидящим на лавке в костеле. Выкатившиеся из орбит, безумные, поросшие бровями глаза шало сверкали, споря с серебром октябрьской ночи. Сквозь редкую мшистую бороду горели расчесанные до крови щеки.

– Ты вот любишь меня, Настенька. Любишь. А за что, спрашивается? Ведь я и с тобою нечестен был.

– А с кем еще-то? – Настя перестала всхлипывать.

– Да вру я все. Везде вру. Вот только тебе поляков хвалил. Костелы ихние. Так ведь это все ихнее я только умом люблю и признаю, а сердцем-то... Сердцем... А вот там, – Зубов постучал костлявым кулаком по груди, – нету покою и радости, понимаешь? Значится, напридумывал я себе всю эту любовь, дабы оправдать свое тщеславие и гордыню. Ты ду-

маешь, я за деньги всю агитацию вел? Нет. Мне нравилось, что к речам моим прислушиваются, что голос мой завладевает чужими умами. Что могу я, Настенька, вот так взять и повернуть всю историю шиворот-навыворот. И нет слаще ничего на земле, чем владеть душами людей, направлять их желания, изменять их взгляды. Стоя на деревенской телеге, был я богаче самого богатого богатея и царя. Потому как сокровище не в золоте, не в камнях лежит, а в людях. Вот кто людьми управляет, тот и богат по-настоящему.

– И с Фроськой ты был ведь? Точно знаю, был! – неожиданно вымолвила девушка.

– Ха-х... Я ей про одно, а она мне, знай, про свое. Про бабье. Был. Услады искал. Тешился вдосталь. И с другими был. Шли они ко мне за силой, чтобы власть мою почувствовать, потому как в своих мужиках этой силы не видели. И тошно им становилось подчас от измен, а все одно шли, потому как бабе нужен тот, кто ее за собой поведет. Посмотри, пришли поляки, мужей поперебили. А долго ли бабы по ним плакали? Нет. Они уже любили чужих – тех, кто им горе принес. А все почему? Живодеры, звери, но победители, показавшие, что любви достоин только сильный, а не тот, кто не может защитить свою семью. Не тот, кто бежит в леса и отсиживается там. Не тот, кто не может выковать меч и поднять его. Зачем такие нужны природе. Матушка-земля верных сохраняет. Я неверный, скажешь. А это оно как взглянуть! Стрельцы в Дорогобуже, после моих речей по домам

разошлись. Так зато царь с воеводами знают теперь, где они были неправы, и знают, кого в измене обвинить. Это ведь как чирий: вскрыл – и гной потек, а как вытек весь, рана начала затягиваться. Гною-то много накопилось на Руси. Может, я чего не понимал или не так чего делал, но всегда Русь нашу любил. Поляков ненавидел, но под ними, считаю, ходить куда выгоднее и спокойнее, чем под бесключевыми царями. Искренне так думаю. Вот такая у меня нынче правда. Путаная и страшная. Предательская. Пока гордость в нашем мужике не проснется, то быть нашей земле топтанной чужими конями и битой. А вот чтобы гордость проснулась, нужно для начала каленым железом все лишнее выжечь! Ты уж больно-то, милая, не печалься. Ну да, был с другими. Но зато к тебе потом летел повинный и горький, в испоганенной изменами одежде, чтобы рядом с тобой очиститься и Бога вернуть. И понял я тогда, ежели каяться не в чем, что ежели не страдаешь, то и не возвышаешься в думах своих.

Зубов вдруг снова себя почувствовал глашатаем. Подбородок вскинулся, пальцы сжались в кулаки. Он даже привстал, насколько ему позволял ошейник. И несмотря на то, что начал с одного, а закончил совсем другим, ощущал себя полным господином и единственным носителем правды. Припав к окну, смотрел на сидящего на коле запорожца и бормотал что-то совсем еле связное. Только по отдельным обрывкам можно было понять, что он пытается к че-

му-то призвать мертвого человека. Он даже не услышал, как стражник, просунув бородатое лицо в приоткрытую дверь, пробасил:

– Ну, полюбились – и буде!

Не заметил Зубов, как вышла Настя, ловя краем платка катившиеся по щекам слезы. Не заметил, как уехал по другую сторону тьмы месяц, погоняя ворона. Не заметил, как кончилась ночь и пришло утро.

То ли сон, то ли забытье, то ли оцепенение всего естества – души и разума. Когда дверь темницы заскрипела и в темное спертое пространство ворвался свежий воздух, а следом поток осеннего, золотого света, он даже не понял поначалу, сон это или уже потусторонняя явь.

В проеме стоял Никон Олексеевич, сухой, долгий и, как всегда, сильно ссутуленный.

Зубов знал дьяка, не раз доводилось быть рядом. Оттого вначале и подумал, что уже находится где-где, но только не в земной жизни.

– Ну что, Иван Демьяныч, как жить дале будем? – Никон шагнул в темницу. – Ох и сперто тут у тебя. И девку не позовешь. Оскоромись. – Дьяк говорил в своей обычной, чуть занудноватой манере.

Ванька помотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Потянулся к кадке. Плеснул на лицо несколько пригоршней ледяной воды.

– Да как, Никон Саввич! На кол посадишь?

– На такую мразь, Ванька, как ты, и кола жалко будет, – бесстрастно ответил Никон, слегка поморщившись от скучного вопроса.

– Отдаюсь в руки твои, почтенный дьяк и судья всех судей! – Зубов своим звериным нутром почуял, что дьяк пришел не казнить, а о чем-то договариваться. По вопросам плахи такие люди сами лично не ходят.

– А ну потише тут со своим почтением! Ты не перед Сигизмудом роли исполняешь. Поляки твои вчерась хорошо получили по зубам. – Никон присел на вовремя подставленный стражником табурет.

– Слышал шум ратный со стороны Копытецкой, – кивнул Ванька.

– Да. Теперь тела двух сотен драгун, если король не забереет, то нам хоронить придется. Еще сотня раненых и пленных.

«...Зачем он со мною об этом? Кто я такой для него?...» Зубов очень хотел поднять глаза на Никона, но боялся люто.

– Мучаешься? Не знаешь, зачем пришел Никон? – Дьяк потер больную поясницу.

Ванька быстро затряс головой в ответ, одновременно пытаясь придержать рукой ходившую ходуном челюсть.

– А вот пришел полюбоваться, как тебя на кол сажать будут. – Никон вдруг весело хлопнул ладонями по острым коленям. – А, Ванька? – И сухо рассмеялся, щерясь, показывая остатки зубов.

– Весь в твоей власти, почтенный Никон Саввич! – Но Зубов уже чуял, что казнить его не собираются.

– Верно, – словно читая его мысли, проговорил дьяк. – Зараз поговорю. А потом уже решать буду.

Повисла долгая пауза. Слышно было, как паук скрипит паутиной под потолком.

– Не томи, отче! – взмолился Зубов.

Олексеевич откашлялся в желтый кулак. Поскреб каблучком земляной пол, словно еще раз все взвешивая.

– Ну вот что. Языком ты красиво молотить умеешь. Через это вреда много и ущерб разного нам причинил. Но хочу дать тебе одну соломинку. А уж выплывешь али нет, зависит от того, как стараться будешь.

Ванька снова, как в судороге, затряс головой.

– Ну то-то, Иван Демьяныч. Слышал ты али нет, что у поляков сила нечистая завелась?

– Наверде как волк небывалый!

– Да не стучи ты так зубами. Не раздражай. Противу нас хорошо ты повиступал. А теперь я хочу, чтобы такоже и перед поляками. Они-то ж ведь из плоти и крови. И ничего в них особенного нет, а значит, и боятся, как все. Ежли бы ты речами своими так сделал, чтобы и они расшатались да поразбредились от Сигизмунда. Чуешь, куда я?

– Чую.

– Во-во. А тут и волк еще какой-то. Все как нельзя кстати. Все противу них поднялись. Даже сила нечистая проснулась.

Хочу, чтобы слова твои были для них, что кол осиновый, что пуля литая, что плеть казацкая. Но коли опять предашь, гляди. Девка-то твоя у меня останется, – Никон кивнул на проткнутого колом запорожца. – Ей тама сидеть придется!

– Да что ты, батюшка! – Ванька перекрестился.

– Вот те и батюшка! Ну так как? На кол или к полякам?

– К полякам, отец Никон.

– Ну добре.

– Только ведь какое дело, батюшка, они ведь знают, что я в темнице. А мне бы нужно через их посты как-то. Тут ведь работа тоже непростая – знать нужно, куда идти и с кого начинать. Как и везде, есть шибко верные, а есть сумлевающиеся и нестойкие. Вот к последним мне и нужно пробраться. А их еще поискать.

– Ну, сказочку мы тебе сообразим. – Дьяк прищурился. – Через посты проведем. И даже сумлевающихся подскажем.

Глава 5

– ...В начале света благоволил Бог выдвинуть землю, – словно откуда-то из вечернего тумана прозвучал голос деда Ульяна.

Оладша перевернулся на другой бок, кутаясь с головой в овчину:

– Давай, дед, дальше.

– Я тебе только и делаю, что даю. Спи давай ужо.

Позвал Бог черта, велел ему нырнуть в бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. Ладно, думает сатана, я сама сделаю такую же землю! Он нырнул, достал в руку земли и набил ею свой рот. Принес Богу и отдает, а сам не произносит ни слова... Господь куда ни бросит землю – она вдруг является такая ровная-ровная, что на одном конце станешь – то на другом все видно, что делается на земле. Сатана смотрит... хотел что-то сказать и поперхнулся. Бог спросил: чего он хочет? Черт закашлялся и побежал от испугу. Тогда гром и молния поражали бегущего сатану, и он где приляжет – там выдвинуться пригорки и горки, где кашляет – там гора вырастет, где привскачет – там поднебесная гора высунется. И так бегая по всей земле, он изрыл ее: наделал пригорков, горок и превысоких гор. И ударил Господь молотком, и создал Свое воинство, и пошла между ними великая война. Поначалу одолевала было рать

сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михайла-архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно в землю в разные места, отчего и появились водяные, лешие и домовые.

– Дед, вот опять не понял. Давай еще разок! – Оладше снилось детство. И во сне он просил деда Ульяна поговорить с ним еще, потому и прикидывался, что-де не понял чего-то. Над плечом старого Ульяна плыл июньский месяц, тонкий до звона, легкий-прелегкий и, как сам Ульянов, лукаво-улыбчивый.

– Вот же ж. По тысячному разу ему все сказывай. – Старик глубоко вздохнул, но противиться не стал. – До Сотворения мира, сказано в «Свитке», сидел Господь Саваоф в трех камерах на воздушных, и был свет от лица Его семьдесят-семерицею светлее света сего, ризы Его были белее снегу, светозарнее солнца. Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни облаков, ни звезд, ни зори, не было ни дней, ни ночей. И рече Господь: буди небо хрустальное и буди зоря, и облаки, и звезды! И ветры дунул из недр своих, и рай насадил на востоце, и сам Господь воссел на востоце в лепоте славы Своея, а гром – глас Господень, в колеснице огненной утвержден, а молния – слово Господне, из уст Божиих исходит. Потом создал Господь море Тивериадское, безбрежное, и сниде на море по воздуху, и увидел на море гоголя плавающего, а той есть рекомый сатана – заплескался в тине морской. И рече Господь Сатаниилу, аки не ведая его: «Ты кто еси за чело-

век?» И рече ему сатана: «Аз есмь бог». – «А мене како нареши?» Отвечав же сатана: «Ты Бог Богом и Господь Господем». Аще бы сатана не рек Господу так, тут же бы сокрушил его Господь на море Тивериадском. И рече Господь Сатанилу: «Понырни в море и вынеси Мне песку и камень». И взяв Господь песку и камень и, рассея песок по морю, глаголя: «Буди земля толста и пространна!» Затем взял Господь камень, преломил надвое, и из одной половины от ударов Божьего жезла вылетели духи чистые; из другой же половины набил сатана бесчисленную силу бесовскую. Но Михаил-архангел низверг его со всеми бесами с высокого неба. Созданная Богом земля была утверждена на тридцати китах.

– Дед, а спой про двух голубойцев. Ну напоследочек.

– Ну, куды от тебя денешься. – Ульян махнул рукой и запел:

...Колись-то было зпочатку света —
Втоды не бывало неба, ни земли,
Неба ни земли нема, сине море,
А середь моря та два дубойки,
Почали себе раду радити,
Раду радити и гурковати:
Яко мы маем свет основати?
Спустиме мы ся на дно моря,
Вынесеме си дрибного писку,
Дрибного писку, синего каменьце.
Дрибный писочек посееме мы,

Синий каменец подуеме мы:
З дрибного писку – черна землиця,
Студена водиця, зелена травиця;
З синего каменя – синее небо,
Синее небо, светле сонейко,
Светле сонейко, ясен місячок,
Ясен місячок и все звездойки.

Оладша потянувся замлевішей спиною, выкатился из-под телеги, сел на мокрую от росы землю и стал тереть кулаками сонные, слипшиеся веки.

С той вербы капля упала —
Озеро стало:
В озере сам Бог купався
С дитками – судитками.

– ...Вот те и дитки-судитки. Так-то, деда, спи с миром. А за сказки твои да песни – поклон вечный...

Молодой человек побежал, на ходу сбрасывая рубаху, ломанулся в октябрьский Днепр. Поплыл, вспенивая мощными гребками ледяную воду. И уже летело по-над утром осенним, по-над лесом, по-над полем, по-над водою:

Как в тую пору, в то время
Ветра нет – тучу наднесло,
Тучи нет – а только дождь дождит.
Дождя нет – искры сыплются:

Летит змеище-Горынчище,
О двенадцати змея хоботах.

Ты бей копьём о сыру землю,
Сам к копыю приговаривай:
Расступись-ко, матушка сыра земля!
На четыре расступись на четверти,
Пожри-ко всю кровь змеиную...

Из рота яво огонь-полымя,
Из ушей яво столбом дым идет...

И неслоь к краснокаменным стенам Смоленска, закручивалась в башнях, отражалась от сводчатых потолков:

Как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеиные,
А потом пришел большой змей —
Он жжет и палит пламенем огненным;
А Поток – Михайло Иванович
На то-то не робок был,
Вынимал саблю острую,
Убивает змея лютого,
Иссекает ему голову,
И тою головою змеиною
Учал тело Авдотьино мазати;
В те поры она, еретица,
Из мертвых пробуждалася.

Ай же ты, змея подземельная!
Принеси мне живой воды —
Оживить мне молода жена.

Вышибало слезу. Пробивало до мурашек. Трогало – до напряжения в желваках. Звучало на устах. И каменело комом в каждом горле.

Этот зверь у нас всем зверям отец.
Куда хочет – ходит по подземелью,
Аки солнце по поднебесью,
Он происходит все горы белокаменные,
Прочищает ручьи и проточины,
Пропускает реки, кладязи студёные:
Куда зверь пройдет – тут ключ кипит.
Когда этот зверь возыграется,
Словно облацы по поднебесью,
Вся тут мать-земля под ним всколыбается.
Коли этот зверь рогом поворотится,
Воскипят ручьи все подземные.

Глава 6

Жолкевский быстро шел по лагерю, огибая встречающиеся на пути палатки, телеги, сталкиваясь нос к носу с другими воинами. Его раздраженно отпихивали, если не узнавали. Он сам то и дело кого-нибудь отпихивал, спотыкался о спящих, выслушивал брань, сам отвечая при этом не менее резко и смачно. «Кто он, этот Мцена?» – спрашивал себя командующий, пытаясь разгадать тайну нового палача. Палачей без мрачных тайн не бывает. Но все же. Мцене было приблизительно столько же лет, сколько и Сосновскому. Но Жолкевскому казалось, что палач старше разведчика на целую бездну, на целый ад, на целую смерть.

Под утро опять раздавался этот омерзительный вой. Вой не то волка, не то чудовища. Только от одного воспоминания об этом вое командующего всего передергивало. И снова убитые лошади. У всех, как и у убитых до этого, перерублено горло, а точнее – просто вырвано. Жуть. Чертовщина. И снова задержка боевых действий, поскольку несчастные лошади принадлежали драгунам и должны были участвовать сегодня в сложнейшей операции, суть которой заключалась в том, чтобы выманить неприятеля из крепости, завязать боевое столкновение, обратить в бегство и на плечах убегающих ворваться в город. Но любое тактическое действие нуждается в подготовке и подборе как людей, так и животных,

не говоря уже об оружии. А тут, на тебе, двадцать убитых лошадей. И каких! Знающих, что такое авангард. Не шархающихся от грома выстрелов. Умеющих сбивать всадников передними копытами. Лучшие из лучших. И кого во всем этом винить? Сапега опять повесит пару десятков мародеров и заставит высечь ночной дозор. А дальше? Жолкевский давно увязал в голове, что если готовится какая-нибудь операция, связанная с конницей, то обязательно жди ночного воя, а потом мертвых коней. Лучших, черт возьми, коней! Но, по идее, вой должен мешать совершать преступление. Лишний шум, который заставит быть бдительными дозорных. Но в этом случае все наоборот. Вой или парализует волю, или на близком расстоянии действует как сонное средство? Нет же, дозорные уверяют, что не спали. А, напротив, бросились туда, откуда шел вой. Но там никого не было. Когда же вернулись, то обнаружили убитых лошадей. Стоп. Значит, кто-то воем выманивает дозорных.

Жолкевский увидел в пятидесяти шагах Сосновского. Тот по-птичьи крутил во все стороны головой. Ага. Заметил его. Нет. Не сейчас. Нужно побыть одному. Не нужно, пан Сосновский, ко мне подходить. Займитесь своими делами. Жолкевский дал знак рукой, что сейчас занят, и удалился в шатер.

– Пан Мцена, простите, э... – Друджи хотел окликнуть покомандному, как подобает старшему по званию и статусу, но резко сбавил обороты в голосе, увидев покрытую шрамами,

мощную спину палача.

Мокрая кожа. Капли. Крупные, дрожащие капли осенней днепровской воды казались крепкими, словно горошины. Капли скатывались и застревали в твердых, белых рубцах, сливались в реки и озера. Вода пела на мощном торсе, серебрясь на жестком ветру.

Сосновский залюбовался этим зрелищем.

– Господь неплохо слепил ваш ландшафт, пан палач! – Разведчик едва удержался от того, чтобы не прикоснуться рукой к плечу Мцены.

– Полегче, – глухо ответил Якуб. – Не люблю мужских излияний.

– Я хотел пригласить вас, чтобы осмотреть место.

– Идем. – Мцена натянул через голову на мокрое тело рубаху. Заправил ее в кожаные штаны и туго затянул пояс.

– Вы так и пойдете? – Сосновский зачарованно смотрел на собеседника.

В ответ лишь получил удивленный взгляд.

– Вам виднее, – продолжил себе под нос Друджи, – если не боитесь заболеть.

Они поднялись на угор, с которого открывался вид на лагерь. Обжигающий холодом ветер ударил в лица, полез под одежду.

– Это там. – Сосновский указал рукой.

– Не торопись. – Мцена прищурившись смотрел с высоты угора то в одну, то в другую сторону.

– Хотите понять, откуда он атаковал?

– Хочу понять, где мы и кто он?

– Мы под Смоленском. Скоро начнется очередной приступ.

– Заткнись. Дай подумать.

– Я хотел еще спросить: вы слышали шум сегодня ночью?

Похоже, кто-то сбежал от Шеина.

Впереди леса тянулся дремучий, живописный овраг. Кривые стволы вековых деревьев украшали противоположный склон, а кроны едва достигали края.

– Что там? – кивнул Мцена в сторону оврага.

– Естественная преграда. Там стоит наш дозор. Но очень малочисленный. Мы не ждем с той стороны неприятностей. Поскольку людей лишних нет, то мы сосредоточились... э...

– Не ждете неприятностей!.. – перебил палач. Он криво улыбнулся и пошел в сторону оврага.

– А как же жертвы?! Мы их специально не убивали, чтобы вы взглянули...

– Успеется, – коротко ответил Мцена.

У самого края оврага палач замер. Под натальной рубашкой вздулись бугры мышц. Крылья ноздрей на переломанном носу побелели от напряжения. Осторожно ступая, он пошел вдоль оврага, вглядываясь в желтую траву и опавшие листья. Сосновский двигался следом, пытаясь понять, что высматривает на земле палач.

Через сотню шагов Мцена замер, рука потянулась к пра-

вому плечу, туда, где должна была быть рукоять цвайхандера. Сплюнул. Меч остался в лагере. Сосновский тоже заметил следы на траве. Земля в нескольких местах была сбита явно подошвами сапог. Мцена показал пальцем на следы и стал спускаться.

– Может, позвать подкрепление? – Сосновский нерешительно мялся на краю оврага.

В ответ лишь услышал глухое шипение.

Шляхтич потянул из-за пояса пистолет и стал дрожащими руками тереть застежки на сумке с порохом и пулями. Но, поняв, что провозившись с пистолетом, может потерять из вида Мцену, тоже стал спускаться ко дну оврага.

Сосновский двигался след в след за Мценой, невольно подражая тому во всех движениях и уже не замечая, что становится буквально тенью палача. Мягкий кошачий шаг. Плечи чуть приподняты, готовые продемонстрировать молниеносную реакцию. Спина немного выгнута. На такой спине, начиная от загривка, могла вполне естественно дыбиться мощная звериная шерсть. Руки, тяжелые, налитые свинцом бешеной силы, с пальцами, больше похожими на громадные когти, несколько вытянуты вперед. Не приведи господи оказаться в этих когтях.

– Вы что-то обнаружили? – пытаюсь проглотить горькую слюну, спросил Друджи.

– Тсс. – Мцена покосил глазом.

Слева, в десяти шагах, качнулся ельник.

И тут же что-то белое, большое шарахнулось во мрак ельника, оставляя на острых ветках клоки шерсти.

Сосновский чуть не потерял сознание.

* * *

Командир Авраамиевской башни Епифан Рогатов получил от дьяка Никона приказ: сделать так, чтобы агитатор и негодяй Ванька Зубов «сбросился» со стены и бежал в лагерь ляхов. Дело весьма мудреное, поскольку побег должен выглядеть очень правдиво.

Ночью Рогатов переодел пятерых своих посадских в одежду дворян, пытавшихся еще накануне перебежать к полякам, но вовремя пойманных. Ох, люто не доверял Рогатов дворянам. И было за что. Как только ударили мортиры по Богословской башне со Спасской и Покровской гор, дворяне сканулись со стены, как горох. И запричитали, подобно бабам. Хорошо, пришли на помощь посадские и заняли места возле бойниц. Семерых трусов казнили. Других пороли. А вот пятеро решили убежать. Недалеко робятки ушли. Споймали красавцев. Епифан лично руки вязал паскудникам. Так вязал, что кости трещали. Но о предателях говорить вслух было не велено. И то верно. Никто знать не должен. Иначе дух боевой расшатается.

Под покровом мрака переодетые посадские подкрались к воеводскому острогу. Повязали стражу и заперли под замок.

Выволокли трясущегося Ваньку на свет дьявольский, свет лунный, накинули кафтан на плечи и велели бежать с ними.

И уже на стене обхватили пояс веревками, накинули полубок белой овчиной наружу, сунули кусок хлеба с салом за пазуху и толкнули между зубцами. А за веревку-то не шибко придерживали. Ванька грохнулся оземь, едва не покалечив спину. Сверху шикнули, чтобы побыстрее уходил.

Зубов посмотрел на скуластый, покрасневшийся месяц. Перекрестился. И на деревянных, полусогнутых ногах пошел прочь.

Спустя час, когда Зубов был уже почти у леса, на стене забили тревогу. Началась беготня с факелами в районе Авраамиевской башни.

– Хосподя, помилуй мя, грешного. Помилуй раба Своего, Хосподи. – Ванька суматошно перекрестился несколько раз и нырнул в темную глубину оврага.

Переночевав в низкорослом ельнике, скрюченный холодом, с прыгающей челюстью, утром он попытался выглянуть из оврага, чтобы понять расположение лагеря.

И вовремя выглянул.

Со стороны Покровской горы прямо к тому месту, где он таился, шли двое. Широкоплечий в белой рубахе с засученными рукавами и переломанным лицом, словно по нему лошади скакали. И долговязый, но сразу видно: жилистый.

Ванька мгновенно скорее нутром, чем разумом почувствовал приближение беды. На нем белая овчина. Сам на человека

едва похож с глазами травленого зверя, с черными вспухшими губами и расплющенным от удара носом. Что подумают, коли схватят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.